

В. Н. ТИТОВ

Основные подходы к объяснению проблемы социально-экономического развития в общественных науках

В статье критически рассмотрены основные теоретические подходы к изучению проблемы неравномерности социально-экономического развития различных обществ. Выделяются три наиболее влиятельных теоретико-методологических подхода в данной сфере общественнознания: институциональный, структурный, социокультурный. Показаны преимущества и ограничения, связанные с их использованием при объяснении причин и механизмов, влияющих на процессы и динамику социально-экономического развития. Делается вывод, что успешное продвижение по пути дальнейшего изучения факторов социально-экономического развития зависит от способности создания концептуального подхода, в рамках которого были бы определены взаимосвязи между институциональными, структурными и культурными параметрами, с одной стороны, и контингентными переменными — с другой.

Ключевые слова: социальное развитие, общественные институты, факторы развития.

DOI: 10.7868/S0869049918030103

Проблема неравномерности общественного развития

Существующие в настоящее время международные сопоставления, характеризующие качественные стороны социально-экономического развития различных обществ, демонстрируют существенный разрыв между экономически развитыми странами (ОЭСР) и странами с развивающейся экономикой¹. Так, согласно оценкам международного исследовательского проекта *The Social Progress Imperative* по Индексу социального развития (*The Social Progress Index*), измеряющим достижения стран мира с точки зрения общественного благополучия и социального прогресса, можно отчетливо увидеть, что практически все экономически развитые страны оказываются в числе лидеров по этому показателю.

Индекс человеческого развития (*Human Development Index – HD*), который составляется Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) и используется в рамках специальной серии докладов (ООН) (<http://hdr.undp.org/>) о развитии человека, также свидетельствует о взаимосвязи между социальным и экономическим развитием. В данном

¹ См. Индекс социального прогресса (*The Social Progress Index*) (<http://www.socialprogressindex.com/>); Глобальный рейтинг экономик по показателю валового национального дохода на душу населения. (<http://www.worldbank.org/>); Индекс процветания Института Legatum (*The Legatum Prosperity Index*) (<http://www.prosperity.com/>); Индекс человеческого развития (Human Development Index) (<http://hdr.undp.org/>).

случае обращает на себя внимание то, что почти все страны с очень высоким уровнем человеческого развития являются также наиболее развитыми в экономическом отношении странами (ОЭСР), и наоборот, страны со средними и низкими показателями человеческого развития отличаются низким уровнем экономического развития.

Таким образом, результаты любых международных исследований и оценок свидетельствуют о наличии устойчивой связи между уровнем социального развития общества и состоянием экономики, которое характеризуется с помощью различных качественных и количественных показателей. Отсюда неизбежно возникает вопрос: благодаря каким факторам был достигнут социально-экономический прогресс одних обществ и явное отставание других? Это достаточно старая и чрезвычайно дискуссионная тема в общественных науках.

Теоретические аспекты этого вопроса могут включать: понимание детерминант, обусловивших в одном случае динамичное и поступательное экономическое и социальное развитие одних обществ и отставание других; изучение исходных условий и предпосылок; влияние внешних и внутренних факторов этого развития; воспроизводимость и переносимость удачного опыта в иной общественный контекст и т.п. Практическая сторона вопроса связана с тем, какую стратегию следует предпочесть, какие субъекты способны выступить в качестве инициаторов программ развития, с какими трудностями могут столкнуться реформаторы и каким образом эти трудности могут быть преодолены.

Методологические подходы к объяснению факторов, причин и условий, повлиявших на процессы и динамику социально-экономического развития, существенно различаются в зависимости от дисциплинарной специфики. Так, в рамках “экономики развития” (*development economics*) проблема рассматривается с учетом модели “экономического человека” (*homo economicus*), способного рационально ставить практические цели и выбирать оптимальные варианты их реализации. Главным аналитическим инструментом при этом выступает экономико-математическое моделирование на основе выявления взаимосвязи между поддающимися количественной оценке переменными. Экономистами были предложены разнообразные модели, позволяющие определить роль тех или иных экономических переменных в процессах экономического развития (роста). В классических моделях экономической теории главным фактором роста признавался капитал, масштабы его накопления и сбережения [Радыгин, Энтов 2008]. С теоретической точки зрения концепция роста на основе накопления капитала вызывала вопросы в связи с тем, что само накопление капитала означает, по существу, наличие факта роста и требует объяснения [North 1993]. В современных исследованиях стало уделяться большее внимание таким факторам роста, как “человеческий” и “социальный” капитал, структура и распределение трудовых ресурсов, демографические особенности населения, масштабы присутствия государства в экономике и т.п.

Методологическим основанием социологии является представление о том, что социальное действие в большей мере определяется не столько соображениями рационального расчета выгод и издержек, сколько влиянием социальных норм, верований, убеждений, которые индивид усваивает в процессе социализации в определенном социальном контексте на протяжении своей жизни. Человеческое действие, мотивы поведения оказываются производными от положения в социальной структуре общества.

В настоящее время представители различных дисциплинарных направлений в общественных науках в России пытаются преодолеть жесткие методологические ограничения и найти путь для формирования концептуальных рамок теории развития, которая могла бы учитывать связи и взаимные влияния между разными по своей природе факторами. При этом проблема неравномерности социально-экономического развития стран оказывается центральной темой многочисленных исследований в общественных науках [Аузан, Келимбетов 2012; Курдина 2004; Плискевич 2013^a, Плискевич 2013^b]. При всем многообразии теоретических версий (экономические, политические, экологические, социокультурные и т.п.) главное внимание в дальнейшем будет обращено на три доминирующих теоретико-методологических подхода: институциональный, структурный и социокультурный. На мой взгляд, в этих подходах обращается первоочередное внимание на роль так называемых эндогенных факторов, то есть тех параметров, которые создают

и оформляют базовые конституирующие составляющие общества: структурные характеристики (статусы, классы, элиты и их взаимодействие), институты (правила, нормы и механизмы принуждения к их соблюдению) и культуры, определяющие области смыслов, мотивационные установки и социальные идентичности.

Институционализм и новый институционализм

Пожалуй, самая влиятельная в общественных науках в настоящее время традиция — это институционализм. Так называемый “старый институционализм” формировался как реакция на набирающую силу неоклассическую экономическую теорию. Т. Веблен подверг жесткой критике исходную модель “человека экономического” за чрезмерное абстрагирование от реальности, стремление избежать вопросов, касающихся внутренних и внешних обстоятельств, влияющих на экономическое поведение, уход от вопросов истории и эволюции [Веблен 2006]. Под институтами Веблен понимал некие превалирующие привычки мышления о конкретных отношениях и конкретных функциях индивида и общества, которые позволяют снижать остроту проблемы неопределенности.

Схожей предубежденности в отношении неоклассической экономической теории придерживались представители немецкой исторической школы (В. Рошер, Б. Гильдебранд, К. Кипе, Г. фон Шмоллер, М. Вебер). Они полагали, что экономическая наука должна быть избавлена от абстрактного формализма, предпосылки о независимом от социального окружения поведении индивида и должна изучать влияние специфических культурных традиций общества на экономику [Milford 1995].

К традиции старого институционализма можно также причислить К. Поланьи, попытавшегося проследить исторические истоки возникновения рыночной экономики как составляющей социальной системы общества [Поланьи 2002]. В работах Поланьи экономика понимается как система, укорененная в экономических и неэкономических институтах общества [Поланьи 2004]. Затем, под влиянием классической работы Р. Коуза “Природа фирмы”, в которой используется столь плодотворная для последующей экономической науки категория, как “транзакционные издержки”, возникает так называемая “новая институциональная экономика” [Coase 1937]. При всем многообразии работ, выполненных в рамках “новой институциональной экономики”, следует обратить внимание прежде всего на связанные с темой развития институтов капитализма.

Основное внимание проблеме генезиса капитализма уделено в работах Д. Норта, который, понимая очевидные ограничения неоклассической теории развития, пытается найти теоретико-методологический компромисс между предпосылками экономической теории о рациональном поведении и категориями социологии — нормы, ценности, идеология, используя теорию “транзакционных издержек”. Норт призывает учитывать влияние социального окружения (правила, нормы, традиции, способы делать вещи) на выбор человека [North 2005]. Возникновение институтов трактуется в духе функционализма, их создание обусловлено необходимостью решения проблемы неопределенности (неэргодичности) социального мира. Благодаря введению неких “правил игры” люди повышают определенность взаимодействия, что благоприятно отражается на обменах, снижая транзакционные издержки. Норт полагает, что в основе процесса формирования эффективных институтов лежит механизм отбора, когда на основе обратной связи и конкуренции устраняются слабые институты и сохраняются те, которые позволяют лучше решать проблемы людей в обществе [Норт 1997]. Чем выше отдача от принятых институтов, тем больше шансов на их закрепление. Исследователь предлагает обратить внимание на то, какие формы поведения получают подкрепление со стороны сложившейся структуры вознаграждений в обществе [North 1993]. Однако вопросы о причинах складывания в различных обществах той или иной структуры вознаграждений, формирования ментальных моделей и идеологий, которые поддерживают устойчивость неэффективного характера экономики, остаются недостаточно проясненными [Норт 1997]. Культурные составляющие институтов трактуется им в духе рационального выбора с учетом транзакционных издержек [North 1988].

А. Грейф предпринял попытку исторического анализа причин дивергенции траекторий институционального развития двух групп торговцев: выходцев из Магриба (Северная

Африка) и европейцев, представлявших города-государства Италии (Генуя, Венеция) [Greif 1994; Greif 2013]. Каждая группа выбрала свою стратегию установления и координации взаимодействий: выходя из Магриба стремились развивать неформальные межличностные связи с родственниками и единоверцами, а торговцы стали создавать формальные безличные институты, при которых государство должно было брать на себя “достоверные обязательства” по обеспечению прав собственности и выполнению деловых контрактов. Именно стратегия ориентации на установление формальных институтов принесла успех европейским купцам в конкурентной борьбе на Средиземном море, тогда как стратегия, ориентированная на неформальные связи магрибских торговцев, оказалась менее успешной. Выбор европейцев в пользу анонимных институтов послужил образцом для последующего развития социально-экономической модели западного мира.

В то же время ясного обоснования причин выбора группами торговцев той или иной стратегии институциональной координации и регулирования Грейф не предлагает. Исследователя интересуют прежде всего то, каким образом сложившиеся системы правил, убеждений, норм и организаций (социальные структуры) направляют и мотивируют поведение в различных транзакциях. Именно эти культурные аспекты обуславливают принятие или отторжение формальных институтов как хозяйствующими субъектами, так и агентами государства.

В качестве методологической основы для анализа мотивации выбора той или иной стратегии развития Грейф выбирает теорию игр, позволяющую определить оптимальное поведение одного игрока в зависимости от поведения других. Следует подчеркнуть, что теория игр полностью основывается на предпосылках экономической теории о рациональности, оптимизации, поиске равновесного состояния и не учитывает в полной мере роль контингентных факторов. При этом Грейф отдает себе отчет в ограничениях использования теории игр: отсутствие учета влияния прошлого выбора на настоящее, возможность множественных равновесий, причины возникновения того или иного варианта игры.

Таким образом, если в интерпретации Грейфа убеждения формируются в результате некоей игры, связанной с выбором оптимальной стратегии, то у Норта убеждения – результат культурных, образовательных и религиозных организаций. Генезис же культурных компонент институциональной матрицы недостаточно ясно раскрывается в рамках новой институциональной теории.

Современные исследователи в рамках новой институциональной экономики стремятся развивать методологию этой школы для объяснения причин дивергенции институциональных структур в различных обществах. Так, Э. де Сото применяет теорию транзакционных издержек для анализа проблем теневой экономики в странах третьего мира на примере Перу [De Como 1995; De Como 2004]. Внезаконная экономика, согласно де Сото, есть результат действия неэффективных институтов, увеличивающих транзакционные издержки и заставляющих людей переносить свою хозяйственную активность в теневой сектор. Будучи рациональными оптимизаторами, люди, сравнивая транзакционные издержки в легальном и внезаконном секторах экономики, отдают предпочтение последнему. Но затем различные недостатки внезаконного сектора порождают в конечном итоге проблему экономической отсталости. Влияние культурной компоненты институтов, траектории предшествующего развития общества в рассуждениях де Сото полностью отсутствуют, есть только рациональный индивид, который оказывается в ловушке неэффективных институтов, ограничивающих предпринимательскую активность и консервирующих общую экономическую отсталость. Исследователь исходит из предпосылки, что максимизирующее поведение присуще всем индивидам в силу постулата о формальной рациональности, а в любом обществе есть достаточный потенциал для реализации предпринимательской активности. Проблема состоит только в наличии неэффективных институтов. Возможность адаптации значительной части населения к сложившейся институциональной матрице на основе освоенных норм и убеждений, легитимирующих ее, в расчет не принимаются.

Достаточно оригинальную версию исторического развития различных обществ, их социально-экономической дивергенции на основе базовых предпосылок новой институциональной теории предлагают Д. Асемоглу (Аджемоглу), Дж. А. Робинсон [Аджемоглу,

Робинсон 2016]. Здесь также основной причиной развития или упадка признаются политические и экономические институты, которые условно разделяются на два типа: “экстрактивные”, позволяющие именно элитам извлекать выгоду от использования ключевых ресурсов (различные авторитарные режимы), и “инклюзивные”, дающие возможность всем или большинству использовать различные хозяйственные практики для получения прибыли и увеличения своего благосостояния. При этом существует соответствие между типом экономических и политических институтов. Значение каких-либо иных факторов развития (географических, культурных, ресурсных) этими авторами отвергается без достаточно подробного обоснования. Они допускают, что экономический рост возможен как при инклюзивных, так и при экстрактивных институтах. Однако, если инклюзивные институты позволяют обеспечить устойчивый рост, то экстрактивные институты способны только на временный экономический рывок на основе централизованной мобилизации ресурсов. Поэтому именно инклюзивные институты создают положительные стимулы для экономического роста, повышения жизненного уровня, сокращения бедности и социального развития в целом. На мой взгляд, предположение, что именно институты могут стимулировать участие больших групп населения в экономической активности, нуждается в серьезном прояснении. Институты скорее создают некие правовые условия, которые препятствуют или способствуют экономическому развитию, но будут ли они выполнять роль стимулов, зависит от наличия у населения предпринимательской мотивации, что относится скорее к культурным факторам.

Важное новшество в рассуждениях исследователей – акцентирование роли государства и элит. Это позволяет отчасти преодолеть абстрактный методологический индивидуализм прежних версий новой институциональной теории. Так, Асемоглу (Аджемоглу) и Робинсон подчеркивают в качестве необходимого условия успешного социально-экономического развития наличие централизованного государства. Однако его роль при инклюзивных или экстрактивных институтах будет существенно различаться. Кроме того, они подчеркивают значение политических и экономических элит (например, земельной аристократии) в создании и поддержании того или иного типа институциональной структуры общества². Рассуждения о расстановке и балансе социальных сил способны существенно дополнить традиционный институциональный анализ. Одновременно из стройной концепции исследователей совершенно выпадает фактор культурных составляющих институциональной матрицы, о котором писали Норт и Грейф.

Так, развитие новой институциональной теории показало, что различные варианты конфигурации, то есть соотношение формальных и неформальных институтов, – важнейший фактор и необходимое условие социально-экономического развития общества. В то же время в рамках данного направления экономической теории не удалось раскрыть проблему содержания культурных составляющих институтов, а также основательно рассмотреть влияние социальной структуры на развитие институтов.

Теория развития с точки зрения структурной трансформации общества

Другим влиятельным направлением изучения процессов социально-экономической динамики стал подход, который условно можно было бы обозначить как структурный. В классической версии он представляется прямой противоположностью методологии экономической науке, где акцент переносится на уровень индивидуального агента. Этот подход исходит скорее из предпосылки о методологическом холизме – примате социальной структуры над индивидом. Структурный подход изначально развивался в рамках марксистской теории классовой борьбы как источнике социально-экономических трансформаций, затем был принят в качестве базового постулата в социологической теории Э. Дюркгейма, провозгласившего, что социальный мир должен исследоваться как самостоятельная сущность [Дюркгейм 1995].

² Направляется сравнение этой работы с концепцией Д. Норта – Д. Уоллиса – Б. Вайнгаста, которых, кстати, Асемоглу (Аджемоглу) и Робинсон ранее критиковали именно за придание ведущей роли межэлитным столкновениям и за игнорирование давления “низов” (см. [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011; Плискевич 2013^a, с. 47]).

В случае методологического холизма признается, что отдельный индивид – порождение унаследованной от прошлого социальной структуры, его поведение определяется интернализованными социальными статусами и ролями, привитыми обществом ценностями и нормативными образцами поведения. Наиболее яркое воплощение подход методологического холизма получил в школе структурного функционализма [Parsons 1965; Parsons 1966]. Однако в рамках структурного функционализма причины социальных изменений и развития не получили ясного концептуального объяснения, в лучшем случае он позволяет типологизировать разные общества по критерию “современное” и “традиционное” на основании ряда так называемых “структурных переменных” (*pattern variables*), определяющих характер социальных отношений.

Отдельным направлением в рамках изучения структурных факторов общественного развития стала “историческая социология” – широкое движение представителей различных теоретических направлений в социологии от марксизма и неомарксизма до последователей Вебера. Объединяющее начало для всех представителей исторической социологии – стремление реконструировать закономерности эволюции различных обществ на основе привлечения значительного массива исторических материалов, что позволяет предложить более аргументированные и обоснованные с эмпирической точки зрения теоретические версии формирования государства, капитализма, причин социально-экономической дивергенции обществ. В исторической социологии акцент делается на влияние структурных факторов, изменение социальной структуры общества и на то, как эти процессы сказываются на предпочтениях, мотивах поведения, интересах.

Представителей исторической социологии отличает достаточно негативное отношение к теории рационального выбора и связанной с ней предпосылкой о функциональности той или иной институциональной структуры, которая определяется рациональным выбором индивидов при имеющихся ограничениях. Для них характерен выраженный интерес к мезо- и макроуровням анализа общественных процессов, изменениям институциональных конфигураций [Pierson, Skocpol 2002]. Основное внимание здесь уделяется не только рассмотрению внутренней логики развития институтов, но и выявлению влияния так называемых контингентных факторов (ситуационные переменные, непредвиденные внешние воздействия) на процессы общественных преобразований. Предпосылка относительно “зависимости от предшествующего пути развития” в рамках исторической социологии имеет гораздо большее значение, чем в новой институциональной теории. В исторической социологии приверженность институциональной традиции скорее объясняется на основании классовых интересов или интересов различных статусных групп и общностей. Специальное внимание в рамках исторической социологии уделено вопросам власти, ее генезиса, формам, влиянию на функционирование институтов.

Одним из наиболее ярких представителей исторической социологии, заявляющим о себе как о последовательном стороннике исторического материализма К. Маркса и Ф. Энгельса, является П. Андерсон [Андерсон 2010]. В своем фундаментальном исследовании генезиса абсолютных монархий в Европе он прямо утверждает, что данная форма организации государства стала реакцией на кризис феодализма, попыткой сохранить власть правящего класса в условиях постепенного развития торгового капитализма. Однако при этом Андерсон обращает внимание на то, что в традиционном марксизме государству как субъекту социального действия должного внимания не уделялось, а основное внимание обращалось на классовую борьбу.

Истоки капитализма Андерсон усматривает в феодализме Западной Европы, где городская торговля и ремесла достаточно органично сочетались с феодальными институтами. Однако при этом города по мере развития становились центрами технологических, правовых и организационных инноваций, постепенно подтачивавшими феодальные институты, которые способствовали формированию институциональных предпосылок капитализма, рациональной бюрократии в сфере государственного управления. Активизация и рост масштабов военных действий в Европе в начале Нового времени косвенно способствовали созданию регулярных армий, рационализации системы управления и снабжения, увеличению государственных заказов на оружие и обмундирование, введению системы налогообложения и управления государственным долгом. Усиление

абсолютистского государства в экономической сфере воплотилось в политике и идеологии меркантилизма, который при всех ограничениях способствовал подавлению локального сепаратизма, устранению границ между рынками и развитию национальной торговли. Основной вывод Андерсона состоял в том, что, хотя абсолютные монархии объективно создавались для защиты интересов феодалов, непреднамеренным последствием их политики стало формирование институциональных, организационных условий для развития торгового и мануфактурного капитализма.

Структурный подход к анализу процессов экономической и политической модернизации в ряде стран Европы и Азии был предпринят представителем исторической социологии Б. Муром-младшим. В центре его внимания был вопрос о том, какую роль сыграли класс землевладельцев и крестьянство в процессе трансформации аграрных обществ в современные индустриальные государства [Мур-младший 2016, с. 9]. Исследователь выделяет три основные траектории развития перехода от доиндустриального строя в современную эпоху:

– путь так называемых “буржуазных революций” (Англия, Франция, США), когда сформировавшаяся социальная группа (торговые и промышленные городские классы) во взаимодействии с переориентированными на капиталистический вектор развития представителями аграрных классов (лендлорды, фермеры, джентри, йомены и т.п.) стали активными субъектами и инициаторами становления капиталистического общества. Данный путь сопровождался ослаблением позиций и влияния традиционалистской крестьянской общины;

– путь капиталистической революции сверху (Германия, Япония), основанный на сильных позициях централизованного государства, опирающегося на традиционный господствующий класс, представлявший интересы крупных земельных собственников, с целью проведения курса на индустриальную модернизацию общества при сравнительно слабой в политическом отношении буржуазии;

– путь индустриальной модернизации сверху, осуществлявшийся при наличии “аграрной бюрократии”, мешавшей органическому развитию капиталистических отношений, сочетавшийся со слабыми позициями городской буржуазии и очень сильным влиянием традиционалистски ориентированного крестьянства, составлявшего большинство населения (Россия, Китай). Именно преобладание крестьянства, испытавшего наибольшие тяготы индустриального развития, обусловило наиболее острый характер протекания социальных революций [Мур-младший 2016, с. 14].

Решающим фактором в процессе экономической и политической модернизации была, таким образом, сравнительная позиция высших классов землевладельцев и крестьянства в обществе, их реагирование на вызовы коммерциализации сельского хозяйства и развития капиталистических отношений. Другим важным фактором, определившим характер общественного развития, были роль и влияние нарождающегося торгово-промышленного класса, его способность выражать и отстаивать свои интересы перед государством и вступать в коалиции по реализации общих интересов с земельными собственниками. Исходным фактором капиталистического развития Англии (первый вариант) был довольно рано начавшийся рост городской буржуазии, активно участвовавшей в союзе с аграрными классами в экспорте шерсти в страны континентальной Европы. Другим важным обстоятельством, оказавшим влияние на трансформацию феодальной системы, стала “черная смерть” 1348–1349 гг., вызвавшая дефицит рабочей силы, который заставил отказаться от системы крепостного права в пользу аренды и использования наемного труда. Важнейшим условием успеха капиталистической модернизации Англии стал союз между городской буржуазией и активно коммерциализирующимися землевладельцами.

Если Мур-младший обращал внимание прежде всего на влияние конфигураций социальных структур, сложившихся в том или ином обществе, на процессы общественной трансформации, то современные представители исторической социологии при анализе социальных революций стремятся перенести акценты на контингентные факторы: фискальный кризис государства, раскол между государственной элитой и владельцами собственности, поражение государства в войне, подрывающее легитимность

государства, и т.п. [Goldstone 1991; Skocpol 1979]. Значительное внимание при анализе проблемы возникновения и развития современного государства они уделяют изменению способов ведения военных действий в период перехода от феодализма к Новому времени — “военная революция” [Mann 1987; Mann 1993]. Ч. Тилли сумел продемонстрировать влияние “военной революции” на формирование разных типов государств в зависимости от имевшихся в их распоряжении способов экономической организации и мобилизации ресурсов. В том случае, когда в распоряжении государства имелись возможности получения средств от городских торговцев, развитие шло по пути формирования преимущественно демократических институтов. Если же государство в качестве фискальной базы выбирало завоевание территорий для ведения сельского хозяйства, то развитие шло в основном по пути формирования авторитарных политических систем [Tilly 1990].

Причинам и условиям возникновения и развития капитализма посвящены исследования современного представителя исторической социологии Р. Лахмана [Лахман 2010]. В своей методологии он пытается соединить так называемый “агентский” подход к анализу поведения исторических акторов, которым свойственны рациональные установки, со структурным подходом, акцентирующим обусловленность интересов занимаемой социальной позицией. Исследователь пытается выявить внутренние конфликты, присущие социальной структуре феодального общества. Характерный для марксизма подход, основанный на классовом конфликте, Лахман заменяет конфликтом элит. Каждая элита стремилась создать собственную систему контроля и эксплуатации крестьянства. В отличие от марксизма Лахман настаивает на тезисе о множественности элит со своими специфическими интересами, связанными с воспроизводством своего статуса и усилением контроля над источниками поступления ресурсов. Относительная сила и влияние той или иной элитной группы, характер отношений между ними и с незлитными группами, способы борьбы за контроль над ресурсами и определяют вектор социально-экономического развития общества. В одних случаях конфигурация элитных противостояний вела к развитию городского ремесла и торговли, а в других ситуациях оборачивалась временным успехом с последующей рефеодализацией. Введение концепта “конфликта элит” позволяет до определенной степени избежать статического рассмотрения проблемы. Ситуация конфликта элит может позволить блокировать установление монопольного контроля над ресурсами одной из сторон, что позволяет создать более гибкие институты сдержек и противовесов, тогда как консолидация элит ведет к разделению источников распределения ресурсов и институциональной стагнации.

Теория развития с точки зрения влияния социокультурных факторов

Ныне широко представлен подход к изучению проблемы дивергенции социально-экономического развития различных обществ на основе выделения в качестве самостоятельных факторов, относящихся к их социально-культурной специфике [Латнэм 1996; Хантингтон 2003; Фукуяма 2004]. Данное направление стало формироваться под влиянием работ Вебера [Вебер 2002]. В современной экономической науке уделяется все возрастающее внимание взаимосвязи между культурой и экономикой. Ш. Бёгельсдейк, Р. Маселанд попытались выделить ряд методологических подходов к рассмотрению данной взаимосвязи [Бёгельсдейк, Маселанд 2016]:

“**Экономика и культура**” — базовые предпосылки экономической теории сохраняются, а культура выступает в качестве экзогенного фактора. В данном случае предпочтения индивида анализируются с помощью методов экономической теории, а культура рассматривается как задаваемые извне ограничения выбора, которые не подвержены рациональному анализу. В рамках данного подхода выполнены многочисленные эмпирические исследования на предмет установления связи между той или иной ценностно-нормативной позицией и экономическим развитием, но без обращения к содержательному анализу ценностей, убеждений, верований и т.п. [Hofstede 2001; Инглхарт, Вельцель 2011]. Различия между странами по тем или иным признакам экономического поведения или экономическим результатам по остаточному признаку приписываются влиянию культуры.

“Экономика как культура” – экономическая рациональность признается в качестве культурно специфического явления, а различные виды экономического поведения следует рассматривать в контексте той или иной культуры. Данный подход характерен преимущественно для представителей старого институционализма (Поланьи), экономической антропологии и социального конструктивизма, которые рассматривали рыночную экономику как явление, более позднее по историческим меркам и обладающее специфическим набором культурных признаков, которых прежде человечество не знало. Развитие этой идеи вылилось в представление о “множественных” вариантах рыночной экономики, капитализмов со своим набором культурно-детерминированных признаков. Экономическое поведение в данном случае рассматривается как сложная совокупность символов, имеющих определенное значение в том или ином культурном контексте. Подход с точки зрения “экономика как культура” в настоящее время исследуется в работах представителей так называемого “социологического институционализма” [Meyer, Rowan 1977; Meyer, Scott 1983; DiMaggio, Powell 1991]. Ф. Доббин использовал подход с точки зрения культурного детерминизма для описания того, каким образом сформированные под влиянием культуры концепции государства и рынка оказали влияние на формирование промышленной политики в разных странах в XIX в. [Dobbin 1994].

“Культура как экономика” – культура и различные ее составляющие рассматриваются через призму экономической теории со всеми ее допущениями. Наиболее ярко это представлено в работах Г. Беккера, который подверг экономическому анализу на основе предпосылок модели “человека экономического” различные сферы социальной жизни: семью, преступность, наркоманию и т.д. [Беккер 1993; Беккер 2003]. В данном случае культура перестает рассматриваться как некий самостоятельный фактор, а различные специфические формы поведения могут анализироваться с помощью методологического аппарата экономической теории. Другое проявление данного подхода – так называемый “культурный материализм” М. Харриса, который последовательно отстаивал марксистскую идею о первенстве экономического базиса (социально-экономических условий) над надстройкой (культурные формы) [Harris 1979]. Подход “культура как экономика” представляет собой яркое проявление так называемого “экономического империализма” – стремления перенести методологический инструментарий *economics* на другие области наук об обществе, не оставляя культуре никакой самостоятельной роли в качестве фактора, влияющего на развитие.

Подход “культура и экономика” представлен рядом современных исследователей, среди которых наибольшей последовательностью в отстаивании позиции о наличии непосредственной взаимосвязи между различными содержательными характеристиками культуры и социально-экономическим развитием общества отличается Л. Харрисон [Харрисон 2014]. Исследователь выступает с критикой доминирующей в общественных науках и политике идеологии “мультикультурализма” и лежащей в ее основе концепции “культурного релятивизма” – фундамента культурной антропологии, согласно которой культуры нельзя сравнивать по заданной тем или иным способом шкале.

Харрисон убежден в обратном, он пытается соотнести показатели, характеризующие социально-экономическое положение различных стран на основе различных рейтинговых оценок с разработанным им показателем “культурный капитал”³. В полном соответствии с идеей Вебера об обусловленности экономического поведения протестантской этикой, Харрисон утверждает, что этические корни культуры лежат в особенностях вероучения, догматики и ритуалов той или иной религии. Солидаризируясь с С. Хантингтоном, исследователь полагает, что культурные различия между народами и странами, обусловленные их религией, неустранимы, неизбежно порождают и углубляют социально-экономические различия.

Культурный капитал, в отличие от концепции П. Бурдьё, который ввел и использовал это понятие для анализа проблемы социальной дифференциации общества

³ См. Индекс развития человеческого потенциала ООН на основании соответствующего доклада (*UN Human Development Report*) за 2007 г.; Доклад о развитии человеческого потенциала за 2007 г.; Рейтинг *Freedom House* за 2007 г.; Доклад о мировом развитии (*World Development Report*) за 2007 г.; *World Values Survey* за 2000 г.; Индекс восприимчивости коррупции за 2007 г. (*Transparency International*).

[Бурдые 2004], понимается как совокупность ценностей, верований и установок, присущих социальной группе или обществу в целом. Обобщенный показатель “культурный капитал” был дезагрегирован на несколько тематических блоков, каждый из которых состоял из отдельных показателей. По мнению Харрисона, в зависимости от того, каким образом сочетаются определенные ценности, установки, формируются два типа комбинаций: культуры, способствующие социально-экономическому развитию, и культуры, консервирующие социально-экономическую отсталость.

В то же время исследователь старается придерживаться более взвешенной точки зрения на роль культурной детерминанты развития, полагая, что необходимо также учитывать и различные внешние факторы: география и климат, природные ресурсы, войны, колониальный опыт, влияние геополитических факторов, влияние конкретных лидеров, и т.п. В то же время Харрисон решительно не соглашается с позицией некоторых представителей новой институциональной теории о том, что культура не может рассматриваться в качестве самостоятельного и достаточно сильного фактора социально-экономического развития. Ссылаясь на авторитет Норта, Харрисон утверждает, что в основе институтов лежат культурно обусловленные нормы и ценности. Проведенное сопоставление позволяет сделать вывод о наличии определенных зависимостей между показателями, характеризующими уровень социально-экономического развития стран и присущими им характеристиками культурного капитала. Однако механизм влияния культуры на социально-экономическое развитие в полной мере не представлен, а сама зависимость требует дальнейшего изучения. Примерно схожие проблемы связаны с выводами Ф. Фукуямы о влиянии накопленного социального капитала, который связывается с культурными особенностями, на экономическое процветание общества [Фукуяма 2004].

Среди других исследователей, обращавшихся к проблеме взаимосвязи между экономикой и культурой, можно выделить работы Г. Кларка [Кларк 2012]. На основе анализа сравнительного исторического материала он пришел к выводу, что именно культурные факторы (сформировавшиеся в среднем классе Англии в процессе развития рыночных отношений предпринимательское мышление, рациональность, образование, высокая трудовая этика) обусловили первенство этой страны в области промышленного развития. А Д. Мокир постарался определить влияние такого культурного фактора, как европейское Просвещение, на бурное развитие технологических инноваций, приведших в действие механизм промышленной революции [Мокир 1990].

Таким образом, можно выделить три основные теоретико-методологических подхода к рассмотрению факторов социально-экономического развития и дивергенции: институциональный, структурный и социокультурный. Основное преимущество институционального подхода — стремление представить эволюционный механизм развития институтов, в основе которого лежит необходимость для каждого общества выработки неких “правил игры”, призванных решить проблему неопределенности взаимодействий. Эти “правила игры” (формальные правила, неформальные нормы и механизмы их выполнения) направлены на существенное снижение величины транзакционных издержек. Некий “естественный отбор” должен способствовать сохранению жизнеспособных и более эффективных институтов и устранению слабых и неэффективных. Однако причины сохранения неэффективных институтов не определены в рамках новой институциональной теории и неизбежно обращение к неким укоренившимся ментальным моделям, идеологии, то есть к роли культурных факторов, однако приверженность теории рационального выбора не дает возможности отказаться от методологии экономической теории и переключиться на содержательный анализ культурных составляющих институтов. Если выбор той или иной институциональной матрицы убедительно объясняет причины дивергенции социально-экономического развития обществ, то причины выбора институциональной матрицы не находят объяснения. Помимо отсутствия в анализе содержательного анализа культурных компонент институциональной матрицы, здесь явным образом не достаёт учета роли социального актора. Сам анализ имплицитно подразумевает, что выбор осуществляет некий абстрактный субъект без какой-либо конкретизации его положения в структуре общества, классовый принадлежности и т.п.

Восполнить недостаток внимания новой институциональной теории к роли фактора социальной структуры при объяснении процессов социально-экономического развития и дивергенции различных обществ попытались представители теории структурного функционализма и исторической социологии. В исторической социологии используется предпосылка об обусловленности предпочтений и интересов акторов их позицией в социальной структуре общества. Кроме того, в данном направлении гораздо большее внимание уделено роли внешних факторов развития (природно-географическая среда, военные конфликты, колонизация и т.п.), а сохранение или изменение институциональной матрицы трактуется на основе соотношения баланса сил различных социальных групп или классов, имеющих свои объективные материальные интересы. При всех различиях в оценке воздействия тех или иных социальных групп или классов на процессы исторического развития большинство представителей исторической социологии в качестве решающей социальной силы, оказавшей ключевое влияние на переход от феодального общества к капиталистическому, указывают на “торговые и промышленные городские классы”, из недр которых постепенно сформировался класс буржуазии.

Большое внимание в рамках структуралистского подхода уделено роли государства как самостоятельного субъекта действия, способствующего или ограничивающего процессы социально-экономического развития, степень влияния которого, однако, обуславливается расстановкой социальных сил, между которыми государство вынуждено находить некий баланс. Акцент на социальных конфликтах, порождаемых различиями интересов, придает аналитическим построениям представителей исторической социологии необходимый элемент динамики и логической связанности. Таким образом, историческая социология выделяет в качестве решающего фактора развития роль и расстановку различных социальных сил в структуре общества со своими интересами. Место “надстроечных элементов” над социальным базисом (культура, идеология, ценности, убеждения, верования и т.п.) признается достаточно вторичным и производным.

Восполнить ограниченность методологического холизма социальных структуралистов попытались представители наук об обществе, занимающихся исследованием культурных детерминант развития. В исследованиях “культуралистов” понятие “интерес” заменяется целым набором категорий, характеризующих субъективные аспекты культуры (ценности, убеждения, установки, верования, идеологии, сценарии, социальные представления и т.п.). Все эти категории подчеркивают самостоятельный характер культуры, который нельзя в полной мере отождествить с ограниченными социальными позициями интересами. Культура может отражать статусные и классовые позиции, но не всегда оказывается обусловлена ими. Она может достаточно легко пересекать границы между классами и способна выступать в интегрирующей общество роли (религия, идеология). Странники культурного детерминизма стремятся к проведению сравнительных исследований на предмет выявления взаимосвязи между различными содержательными характеристиками культуры и социально-экономическим развитием общества. Результаты данных исследований демонстрируют наличие определенных корреляций между этими характеристиками и социально-экономическими показателями. Хотя сторонники культурного детерминизма сумели существенно продвинуться в раскрытии тех составляющих институциональной матрицы, которые связаны с неформальными нормами и ментальными картинками, однако сам механизм влияния культуры на социально-экономическое развитие и дивергенцию в рамках данного подхода не получил достаточно логичного описания. Не проясненными остаются также причинно-следственные отношения между культурой и экономикой.

Представляется, что прогресс в изучении проблемы факторов социально-экономического развития и дивергенции возможен на пути нахождения концепции, которая неким непротиворечивым образом смогла бы установить связи и отношения между эндогенными факторами (институты, структуры и культура) при учете влияния экзогенных факторов (экология, военные конфликты, колонизация, демографические процессы и т.п.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. (2016) Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ.
- Андерсон П. (2010) Родословная абсолютистского государства. М.: Территория будущего.
- Аузан А., Келимбетов К. (2012) Социокультурная формула экономической модернизации // Вопросы экономики. № 5. С. 37–44.
- Беккер Г. С. (2003) Человеческое поведение: экономический подход. М.: ГУ ВШЭ.
- Беккер Г. С. (1993) Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS. Т. 1. Вып. 1. С. 24–40.
- Бёгельсдейк Ш., Маселанд Р. (2016) Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности. М.; СПб.: Издательство Института Гайдара; Международные отношения.
- Бурдые П. (2004) Формы капитала // Западная экономическая социология. М.: РОССПЭН. С. 519–536.
- Вебер М. (2002) Протестантская этика и дух капитализма. Ивано-Франковск: Иствью.
- Веблен Т. (2006) Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной // Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.
- Грейф А. (2013) Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. М.: Издательский дом “Высшей школы экономики”.
- Де Сото Э. (2004) Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М.: Олимп–Бизнес.
- Де Сото Э. (1995) Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М.: Catallaxy.
- Дюркгейм Э. (1995) Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон.
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011) Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство.
- Кирдина С. Г. (2004) X и Y – экономики: институциональный анализ. М.: Наука.
- Кларк Г. (2012) Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира. М.: Издательство Института Гайдара.
- Лахман Р. (2010) Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. М.: Издательский дом “Территория будущего”.
- Мур-младший Б. (2016) Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. М.: Издательский дом “Высшей школы экономики”.
- Норт Д. (1997) Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги “Начала”.
- Норт Д., Уоллес Д., Вайнгаст Б. (2011) Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. Насилие и социальные порядки. М.: Издательство Института Гайдара.
- Патнэм Р. (1996) Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem.
- Плискевич Н.М. (2013^a) Возможности трансформации в России и концепция Норты – Уоллиса – Вайнгаста. Статья 1. Срывы модернизации: вчера и сегодня // Общественные науки и современность. № 5. С. 37–56.
- Плискевич Н.М. (2013^b) Возможности трансформации в России и концепция Норты – Уоллиса – Вайнгаста. Статья 2. Пороговые условия перехода для общества // Общественные науки и современность. № 6. С. 45–60.
- Поланьи К. (2002) Великая трансформация. СПб.: Алетейя.
- Поланьи К. (2004) Экономика как институционально оформленный процесс // Западная экономическая социология. Хрестоматия / Под ред. В. В. Радаева. М.: РОССПЭН. С. 82–104.
- Радыгин А. Д., Энтов Р. М. (2008) В поисках институциональных характеристик экономического роста (новые подходы на рубеже XX–XXI вв.) // Вопросы экономики. № 8. С. 4–7.
- Фукуяма Ф. (2004) Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ.
- Хантингтон С. (2003) Столкновение цивилизаций. М.: АСТ.
- Харрисон Л. (2014) Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма. М.: Мысль.
- Coase R. H. (1937) The Nature of the Firm // *Economica*. Vol. 4. No. 16. Pp. 386–405.
- DiMaggio P., Powell W. (1991) Introduction // Powell, DiMaggio (eds.). *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. Chicago: Univ. of Chicago Press. Pp. 1–40.
- Dobbin F. (1994) *Forging Industrial Policy*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

- Goldstone J. (1991) *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: Univ. of California Press.
- Greif A. (1994) On the Political Foundations of the Late Medieval Commercial Revolution: Genoa during the Twelfth and Thirteenth Centuries // *Journal of Economic History*. Vol. 54. No. 4. Pp. 271–287.
- Harris M. (1979) *Cultural Materialism: the struggle for a science of culture*. New York: Random House.
- Hofstede G. (2001) *Culture's Consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations*. Beverly Hills, CA: Sage Publications.
- Mann M. (1987, 1993) *The Sources of Social Power*. Vol. 1: A History of Power from the Beginning to A. D. 1760; Vol. 2: The Rise of Classes and Nation-States, 1760–1914. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Meyer J. W., Rowan B. (1977) Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony // *American Journal of Sociology*. No. 83. Pp. 340–363.
- Meyer J. W., Scott W. R. (1983) *Organizational Environments: Ritual and Rationality*, Beverly Hills: Sage.
- Midgley J. (1995) *Social Development: The Developmental Perspective in Social Welfare*. London: Sage.
- Milford K. (1995) Roschers Epistemological and Methodological Position: Its Importance for the Methodenstreit // *Journal of Economic Studies*. Vol. 22. (3, 4, 5). Pp. 26–52.
- Mokyr J. (1990) *The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress*. New York: Oxford Univ. Press.
- North D. C. (1988) Ideology and Political/Economic Institutions // *Cato Journal*. Vol. 8. No. 1. Pp. 15–28.
- North D. C. (1993) *Toward a Theory of Institutional Change*. Political Economy. Cambridge, (MA): Cambridge Univ. Press.
- North D. C. (2005) *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Parsons T. (1965) *General theory in sociology* // *Sociology today*/ Ed. by R. K. Merton, L. Broom, L. S. Cottrell. New York: Basic Books.
- Parsons T. (1966) *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Eglewood Gliffs, NJ: Prestige-Hall.
- Pierson P., Skocpol T. (2002) Historical Institutionalism in Contemporary Political Science // Katznelson I., Milner H. V. (eds). *Political Science: The State of the Discipline*. New York: Norton. Pp. 1–133.
- Skocpol Th. (1979) *States and Social Revolutions*. New York: Cambridge Univ. Press.
- Tilly Ch. (1990) *Coercion, Capital and European States, AD 990–1990*. Oxford: Basil Blackwell.

Basic approaches to explaining the problem of social and economic development in social sciences

V. TITOV *

***Titov Vladimir** – doctor of Science (Economics), Leading Researcher of the Laboratory of Social Development Research Institute of Social Analysis and Forecasting Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation. Address: 119034, 11 Prechistsenskaya naberezhnaya. E-mail: yashiknash@list.ru

Abstract

The article critically examines the main theoretical approaches developed in social sciences. It contemplates on the problem of the uneven socio-economic development of different societies. Three most influential theoretical and methodological approaches to the problem of uneven socio-economic development are singled out: institutional, structural, sociocultural. The advantages and limitations associated with the use of these approaches to the causes and mechanisms affecting the processes and dynamics of social and economic development are shown. The successful progress in further study of socio-economic development depends on the ability to create a conceptual approach which will explain the interrelations between institutional, structural and cultural parameters, on the one hand, and contingent variables, on the other.

Keywords: social development, public institutes, factors of developments.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J. A. (2016) *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety* [Why some countries are rich, and others are poor. The origin of power, prosperity and poverty]. Moscow: AST.
- Anderson P. (2010) *Rodoslovnaya absolyutistskogo gosudarstva* [Lineages of the Absolutist State]. Moscow: Territoriya budushchego.
- Auzan A., Kelimbetov K. (2012) Sotsiokulturnaya formula ekonomicheskoy modernizatsii [Sociocultural formula of economic modernization]. *Voprosy ekonomiki*, no. 5, pp. 37–44.
- Beugelsdijk S., Maseland R. (2016) *Kultura v ekonomicheskoy nauke: istoriya, metodologicheskie rassuzhdeniya i oblasti prakticheskogo primeneniya v sovremennosti* [Culture in economics: History, Methodological reflections and Contemporary Applications]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara; Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Becker G. S. (2003) *Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskii podkhod* [Human behavior: the economic approach]. Moscow: GU-VShE.
- Becker G. S. (1993) Ekonomicheskii analiz i chelovecheskoe povedenie [Economic Analysis and Human Behavior]. Moscow: *THESIS*, vol. 1, issue 1, pp. 24–40.
- Bourdieu P. (2004) *Formy kapitala* [Forms of capital]. Moscow: ROSSPEN
- Clark G. (2012) *Proshchay, nishcheta! Kratkaya ekonomicheskaya istoriya mira* [A Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara.
- Coase R. H. (1937) The Nature of the Firm. *Economica*, vol. 4, no. 16, pp. 386–405.
- De Soto H. (1995) *Inoy put. Nevidimaya revolyutsiya v tret'em mire* [The Other Path. The Invisible Revolution in The Third World]. Moscow: Catallaxy.
- De Soto H. (2004) *Zagadka kapitala. Pochemu kapitalizm torzhestvuet na Zapade i terpit porazhenie vo vsem ostalnom mire* [The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else]. Moscow: Olimp-Biznes.
- DiMaggio P.J., Powell W. (1991) Introduction. Powell, DiMaggio P. (eds.) *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. Chicago: Univ. of Chicago Press, pp. 1–40.
- Dobbin F. (1994) *Forging Industrial Policy*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Durkheim E. (1995) *Sotsiologiya. Yee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, purpose]. Moscow: Kanon.
- Fukuyama F. (2004) *Doverie: sotsialnye dobrodeteli i put k protsvetaniyu* [Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity]. Moscow: AST.
- Goldstone J. (1991) *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: Univ. of California Press.
- Greif A. (2013) *Instituty i put k sovremennoy ekonomike. Uroki srednevekovoy torgovli* [Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade]. Moscow: Izdatelskiy dom Vyshey shkoly ekonomiki.
- Greif A. (1994) On the Political Foundations of the Late Medieval Commercial Revolution: Genoa during the Twelfth and Thirteenth Centuries. *Journal of Economic History*, vol. 54, no. 4, pp. 271–287.
- Harris M. (1979) *Cultural Materialism: the struggle for a science of culture*. New York: Random House.
- Harrison L. (2014) *Yevrei, konfutsianty i protestanty: kulturnyy kapital i konets multikulturalizma* [Jews, Confucians, and Protestants. Cultural Capital and the End of Multiculturalism]. Moscow: Mysl'.
- Hofstede G. (2001) *Culture's Consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations*. Beverly Hills (CA): Sage Publications.
- Inglehart R., Welzel C. (2011) *Modernizatsiya, kulturnye izmeneniya i demokratiya* [Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence]. Moscow: Novoe izdatelstvo.
- Huntington S. (2003) *Stolknovenie tsivilizatsiy* [Crash of Civilizations]. Moscow: AST.
- Kirdina S. G. (2004) *X i Y – ekonomiki: institutsionalnyy analiz* [X and Y – Economics: Institutional analysis]. Moscow: Nauka.
- Lachmann R. (2010) *Kapitalisty ponevole: konflikt elit i ekonomicheskie preobrazovaniya v Yevrope ranego Novogo vremeni* [Capitalists in Spite of Themselves: Elite Conflict and Economic Transitions in Early Modern Europe]. Moscow: Territoriya budushchego.
- Mann M. (1987, 1993) *The Sources of Social Power*. Vol. 1: *A History of Power from the Beginning to A. D. 1760*; Vol. 2: *The Rise of Classes and Nation-States, 1760–1914*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Meyer J. W., Rowan B. (1977) Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony. *American Journal of Sociology*, no. 83, pp. 340–363.
- Meyer J. W., Scott W. R. (1983) *Organizational Environments: Ritual and Rationality*. Beverly Hills: Sage.
- Midgley J. (1995) *Social Development: The Developmental Perspective in Social Welfare*. London: Sage.

- Milford K. (1995) Roschers Epistemological and Methodological Position: Its Importance for the Methodstreit. *Journal of Economic Studies*, vol. 22, no. 3, 4, 5.
- Mokyr J. (1990) *The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress*. New York: Oxford Univ. Press.
- Moore B., Jr. (2016) *Sotsialnye istoki diktatury i demokratii: Rol' pomeschchika i krestyanina v sozdanii sovremennogo mira* [Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in the Making of the Modern World]. Moscow: Izdatelskiy dom Vyshey shkoly ekonomiki.
- North D. C. (1988) Ideology and Political/Economic Institutions. *Cato Journal*, vol. 8, no. 1, pp. 15–28.
- North D. C. (1997) *Instituty, institutsionalnye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]. Moscow: Fond ekonomicheskoy knigi "Nachala".
- North D. C. (1993) Toward a Theory of Institutional Change. Barnett W. A., Hinich M. J., Scofield N. J. (eds). *Political Economy*. Cambridge (MA): Cambridge Univ. Press.
- North D. C. (2005) *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- North D., Wallace D., Weingast B. (2011) *Konceptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoj istorii che-lovechestva* [A conceptual framework for interpreting the written history of mankind]. *Nasilie i social'nye poryadki* [Violence and social order]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara.
- Parsons T. (1965) General theory in sociology. *Sociology today*. Ed. by R. K. Merton, L. Broom, L. S. Cottrell. New York: Basic Books.
- Parsons T. (1966) *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Eglewood Gliffs, NJ: Prestige-Hall.
- Pierson P., Skocpol T. (2002) Historical Institutionalism in Contemporary Political Science. *Political Science: The State of the Discipline*. Katznelson I., Milner H. V. (eds). New York: Norton.
- Pliskevich N. M. (2013^a) Vozmozhnosti transformatsii v Rossii i kontseptsiya Norta – Uollisa – Vayngasta. Statya 1. Sryvy modernizatsii: vchera i segodnya [Opportunities for transformation in Russia and the North-Wallis-Weingast concept. Article 1. The failures of modernization: yesterday and today]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 37–50.
- Pliskevich N. M. (2013^b) Vozmozhnosti transformatsii v Rossii i kontseptsiya Norta – Uollisa – Vayngasta. Statya 2. Porogovye usloviya perekhoda dlya obshchestva [Opportunities for transformation in Russia and the North-Wallis-Weingast concept. Article 2. Threshold conditions for the transition to society]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 45–60.
- Polanyi K. (2004) *Ekonomika kak institutsionalno oformlennyy protsess* [Economics as an institutionalized process]. Moscow: ROSSPEN, pp. 82–104.
- Polanyi K. (2002) *Velikaya transformatsiya* [The Great Transformation]. St-Petersburg: Aleteyya.
- Putnam R. (1996) *Chto by demokratiya srabotala. Grazhdanskie traditsii v sovremennoy Italii* [Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy]. Moscow: Ad Marginem.
- Radygin A. D., Entov R. M., (2008) V poiskakh institutsionalnykh kharakteristik ekonomicheskogo rosta (novye podkhody na rubezhe XX–XXI vv.) [In Search of Institutional Characteristics of Economic Growth (New approaches at the turn of the 20th–21st centuries)]. *Voprosy ekonomiki*, no. 8, pp. 4–7.
- Skocpol Th. (1979) *States and Social Revolutions*. New York: Cambridge Univ. Press.
- Tilly Ch. (1990) *Coercion, Capital and European States, AD 990–1990*. Oxford: Basil Blackwell.
- Veblen T. (2006) *Pochemu ekonomicheskaya nauka ne yavlyaetsya evolyutsionnoy distsiplinoy* [Why economic science is not an evolutionary discipline]. Moscow: GU VShE.
- Weber M. (2002) *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism]. Ivano-Frankovsk: East-View.